

Глава 17

Сяосы подрезал фитиль, убавил огонь в светильнике и, повернувшись к Ци Цзяню, нерешительно замер.

— Неси сюда, — Ци Цзянь указал бледным пальцем на поднос, где стояла нефритовая чаша.

— Наследный принц, это снадобье... лучше не надо...

Ци Цзянь не удостоил его ответом. Он лишь нетерпеливо постучал пальцами по столу и вскинул брови, выражая крайнее раздражение.

Сяосы понял, что переубедить хозяина не удастся. С тоскливым вздохом он протянул ему чашу. Густой темный отвар заколыхался, распространяя по комнате тяжелый, горький дух.

Ци Цзянь, казалось, вовсе не замечал этого удушливого запаха. Перехватив пиалу, он поднес ее к губам.

Сяосы с глухим стуком повалился на колени.

— Ты что удумал? — Ци Цзянь нахмурился и замер. Темная жидкость в нефритовой чаше качнулась, пуская по поверхности мелкую рябь.

Сяосы низко склонил голову. Он прекрасно понимал, что сейчас не время перечить, но и смотреть, как господин сознательно себя травит, больше не мог. После долгого, натянутого молчания Ци Цзянь вдруг усмехнулся:

— И что же? Решил отговорить меня?

Сяосы судорожно кивнул:

— Господин, это зелье подтачивает ваши силы. Нельзя пить его так часто.

— Я принимаю его годами, — холодно обронил Ци Цзянь. — К чему теперь сокрушаться?

В этот раз доза была вдвое больше обычной. После такой порции дело явно не ограничится легким приступом кашля. Сяосы до боли закусил губу, разрываясь между страхом и преданностью.

— Боишься, что я испущу дух? — Ци Цзянь опустил взгляд на макушку слуги и тихо, почти беззвучно вздохнул, после чего залпом осушил чашу до дна.

Сяосы поднял глаза слишком поздно — посуда уже опустела. С поникшим видом он принял пустую пиалу и бесшумно выскользнул за дверь. Вскоре он вернулся, неся в руках тяжелый медный таз, до половины наполненный чистой водой.

Ци Цзянь мельком глянул на воду, и на его лице промелькнуло брезгливое выражение.

Сяосы тут же со всех ног бросился вон и мгновение спустя принес охапку свежих, едва распустившихся алых роз. Он бережно оборвал нежные лепестки и бросил их в воду. Когда багряный ковер полностью затянул водную гладь, не оставив ни единого просвета, Ци Цзянь наконец небрежно махнул рукой.

Слуга поклонился, собрал остатки увядающих стеблей и попятился к выходу. С тоской взглянув на господина напоследок, он тихо притворил за собой дверь.

Створки, украшенные изящной резьбой, сошлись, отсекая комнату от холодного серебра ночной луны.

Ци Цзянь перевел взгляд на пляшущий язычок пламени. В глухой тишине спальни его тихий голос прозвучал зловеще:

— Не умру. По крайней мере, пока не свершится правосудие.

На следующий день утреннего собрания чиновников не намечалось, однако из дворца еще накануне пришел указ: Ци Цзянь был обязан явиться лично, дабы выразить императору признательность за дарованную милость.

Сяосы, рассчитав время, уже стоял у дверей с кувшином теплой воды. Стоило изнутри раздаться тихому, хриплому зову господина, как слуга осторожно толкнул створку.

Едва тяжелое дерево поддалось, как в лицо ему ударил едва уловимый, но отчетливый приторно-сладкий запах свежей крови. Сяосы торопливо проскользнул внутрь, опустил чистый таз на подставку, а сам привычным движением подхватил стоящий на полу сосуд и поспешно вынес его наружу.

В застоявшейся воде все так же покачивались алые лепестки роз. За ночь они не только не увяли, но сделались словно еще ярче, напитанные багровой влагой. Сяосы сокрушенно вздохнул, разглядывая темные сгустки, налипшие на нежный бархат цветов.

Ци Цзянь ополоснул рот, отер лицо теплой водой и почувствовал себя немного лучше. Внимательно осмотрев свое отражение в зеркале, он слегка похлопал себя по бледным щекам — изможденный, чахоточный вид показался ему вполне убедительным.

После бессонной ночи, проведенной в изнурительном кашле, о еде не могло быть и речи. Времени до аудиенции оставалось с запасом. Ци Цзянь облачился в парадные одежды, вполголоса отдал Сяосы последние наставления и, убедившись, что слуга понял каждое слово, неспешно направился к императорскому дворцу.

Императорский дворец

— Третий принц, поговаривают, наследный принц Ци сегодня спозаранку прибыл во дворец.

Хуа Цюн на мгновение замедлил шаг и с мягкой полуулыбкой повернулся к говорившему:

— Вот как? И что с того?

— Осмелюсь предложить, ваше высочество... Этот человек не в своем уме. Не лучше ли держаться от него подальше? — лебезя, заискивающе улыбнулся слуга, пытаясь угадать настроение патрона.

Губы Хуа Цюна по-прежнему были изогнуты в приветливой улыбке, да и во взоре читалось благодушие. Однако подчиненного внезапно пробрал озноб. Прозвище Улыбчивый Тигр принц носил не зря. Окружающие привыкли видеть его лицо приветливым, но сколько кинжалов пряталось за этой показной мягкостью, знали лишь те, кто входил в его ближний круг.

И надо же было такому случиться, что Цяо Юань оказался одним из этих немногих. Взглянув на хозяина, он сразу почуял неладное: за благообразной маской скрывалась нешуточная злость.

Недавнее бракосочетание Ци Цзяня наделало много шума: молодой господин Лю едва не сбежал прямо из-под венца. Как ни пытались замять эту историю, тайное быстро стало явным. Наследный принц Ци давно числился в их злейших врагах, а после такого унижения он наверняка будет искать повод для мести.

Приняв это во внимание, Цяо Юань решил заговорить:

— Именно так, ваше высочество. Разумеется, вам незачем бегать от него. Но коли бешеная собака кинется на вас без причины, это принесет лишь лишние хлопоты. К чему вам марать руки?

— Бешеная собака? — раздался за их спинами холодный, насмешливый голос.

Ци Цзянь слегка вздернул подбородок в знак приветствия:

— И где же она? Мне бы тоже хотелось взглянуть.

Цяо Юань обомлел. Помяни черта, как говорится. Он и подумать не мог, что Ци Цзянь окажется так близко и услышит их разговор. Вспомнив крутой нрав наследного принца, слуга мгновенно побледнел.

Однако Ци Цзянь даже не удостоил его взглядом. Он смотрел исключительно на Третьего принца.

— Так где же эта псина, ваше высочество?

Хуа Цюн тоже не ожидал столкнуться с ним у самых дворцовых врат. Под ледяным, пронзительным взглядом Ци Цзяня у него неприятно засосало под ложечкой, а напускное веселье мигом испарилось.

Впрочем, быстро взяв себя в руки, он рассудил, что они находятся на виду у всех, а не в уединенном уголке императорского сада, так что в пруд его никто не сбросит. К тому же никаких прямых улик против него у Ци Цзяня нет. На каком основании тот посмеет чинить управу?

Эта мысль вернула ему былую уверенность. Улыбка вновь коснулась его губ:

— Бешеная собака обитает там, где ей и положено быть.

Ци Цзянь едва заметно кивнул. Сделав несколько быстрых шагов вперед, он почти вплотную приблизился к принцу. Лицо его сделалось суровым и жестким, а рука медленно скользнула в глубокий рукав халата.

Хуа Цюн внутренне содрогнулся:

— Что ты задумал?

— Почему бы тебе не отгадать? — Ци Цзянь продолжал неторопливо шарить в рукаве. — А я пока попробую угадать другое: с чего бы это мой супруг вдруг решил сбежать прямо перед свадьбой?

«Решил спросить напрямую?»

Хуа Цюн понял, что Ци Цзянь пришел сводить счеты.

Проносить оружие на территорию дворца строжайше запрещалось под страхом смерти. Но

ведь перед ним стоял Ци Цзянь — человек, который плевать хотел на законы и приличия. Если уж он когда-то посмеет поднять руку на самого Наследного принца, то что мешает ему сейчас пустить в ход клинок?

Отступить сейчас означало потерять лицо перед слугами. Но если остаться на месте, а у этого безумца в руках окажется кинжал?.. Хуа Цюн замялся, не зная, как поступить.

Пока он колебался, пальцы Ци Цзяня нащупали в глубине шелка некий продолговатый предмет. Он уже собирался вытащить его наружу.

Разглядев очертания скрытого оружия, Хуа Цюн побледнел и поспешно отпрянул на два шага. Лишь совершив это постыдное движение, он сообразил, как жалко выглядит со стороны. Разозлившись на собственную трусость, он вновь шагнул вперед, пытаясь вернуть самообладание:

— Опомнись! Мы во дворце! Что ты себе позволяешь?

— Что позволяю? Я и сам еще не решил, — Ци Цзянь тоже подался вперед. Расстояние между ними сократилось до предела.

— Предупреждаю: если ты посмеешь причинить мне вред, тебе не сносить головы! — пальцы Хуа Цюна в руках мелко задрожали, сжавшись в кулаки.

— Бежать? Зачем мне бежать? — Ци Цзянь презрительно усмехнулся.

Хуа Цюн опешил. Увидев в глазах соперника неподдельную, леденящую кровь решимость, он окончательно лишился своей фальшивой улыбки. И все же рассудок твердил:

«Это императорская резиденция. Как бы он ни был зол из-за моих козней, он не посмеет пролить кровь прямо здесь»

Даже если отец-император благоволит дому князя Ци, он не простит покушения на жизнь собственного сына. Собрав остатки мужества, Хуа Цюн процедил сквозь зубы:

— Смерть принца утянет тебя за собой в могилу.

— Смерть? Думаешь, я ее боюсь? — бледные губы Ци Цзяня тронула слабая усмешка — то ли горькая, то ли издевательская.

Подражая тону собеседника, он склонился к его уху и прошептал:

— Я боюсь лишь одного: уйти прежде, чем увлеку всех вас за собой в преисподнюю.

С этими словами он резко выхватил руку из рукава и нанес сокрушительный удар.

Почувств смертельную опасность, Хуа Цюн в панике вскинул руки для защиты и, повинувшись инстинкту, наотмашь ударил противника раскрытой ладонью.

Именно этого Ци Цзянь и дожидался. Заметив встречный выпад, он едва заметно уклонился, подставив плечо так, чтобы удар пришелся вскользь по его одежде.

Поняв, что сила удара ушла в пустоту, Хуа Цюн похолодел от недоброго предчувствия.

Однако Ци Цзянь не дал ему опомниться. Он схватился за грудь и зашелся в мучительном, хриплом кашле. Секунду спустя сквозь его бледные пальцы хлынула густая темная кровь, окропив серые плиты мостовой яркими багровыми цветами.

Вокруг тут же поднялся переполох — закричали евнухи, зазвенело оружие подбегающей стражи. Ци Цзянь, в руках которого оказался обыкновенный сложенный веер-книжка, едва заметно усмехнулся. Сделав еще шаг к оцепенелому принцу, он выдавил из себя еще один приступ кашля.

— Я только что принес императору благодарность за высочайший указ, а Третий принц без всякой причины напал на меня и нанес тяжелые увечья. Теперь мне придется вернуться в поместье для лечения. Ну а вам, ваше высочество, предстоит объясниться перед государем. Поведайте ему, за какие заслуги вы подняли руку на верного подданного.

Хуа Цюн потрясенно уставился на него. Он ведь едва коснулся его рукава! Откуда эта кровь?!

Видя его растерянность и ярость, Ци Цзянь согнулся пополам от нового приступа кашля, но в его приглушенном голосе отчетливо слышалось торжество:

— Ах да, совсем забыл предупредить... Лекари поговаривают, что у меня чахотка. Берегите себя, ваше высочество, как бы ненароком не подхватить дурную хворь.

С этими словами он небрежно взмахнул окровавленным рукавом и под испуганным взглядом принца не торопясь направился к выходу из дворца.

Усадьба семьи Ци

— Сяосы, ты хочешь сказать, что все это великолепие Ци Цзянь велел приготовить специально для меня? — Лю И с недоверием оглядел уставленный яствами стол.

— Именно так, господин, — почтительно отозвался Сяосы, руководя слугами, которые расставляли изысканные блюда. Сам он бережно взял изящный серебряный кувшин и налил в чашу густую молочно-белую жидкость.

При виде этого напитка Лю И скривился. Так вот почему этот негодник Ци Цинъюй накануне о чем-то шептался с его матушкой! Мелкий пакостник все-таки нашел способ отплатить за вчерашнее. Ну не мелочный ли? Подумаешь, заставил его съесть кусок пирога с османтусом — так он теперь решил опоить его коровьим молоком!

Наблюдая за тем, как меняется в лице Лю И, Сяосы едва сдерживал смех.

Поборов улыбку, он с серьезным видом указал на чашу:

— Наследный принц просил передать, что скоро вернется. Пожалуйста, подождите его немного.

— А у меня есть выбор? — со вздохом отозвался Лю И.

Слуга почтительно склонил голову:

— Его высочество так старался... Будет нехорошо, если вы уйдете.

— Твоя правда, — Лю И со вздохом придвинул табурет и небрежно уселся, гипнотизируя взглядом ненавистное молоко.

«Ладно, — убеждал он себя. — Вчера в усадьбе семьи Лю он вел себя безупречно и спас мое лицо перед родителями. Долг платежом красен. Подумаешь, обед. Поем, и мы квиты».

Едва эта мысль оформилась в его голове, как от дверей донесся глухой, ледяной голос:

— Уходи.

— Что? — Лю И в недоумении поднял глаза.

Ци Цзянь, тяжело прислонившись к дверному косяку, прерывисто закашлялся. Не глядя на супруга, он указал бледным пальцем на выход и отчеканил:

— Обед отменяется. Тебе здесь не рады. Прочь!

<http://bllate.org/book/20072/2001753>